

Глава 1

СПОСОБЫ ДЕЙСТВИЯ СЕЛЬКУПСКОГО ГЛАГОЛА В ОТНОШЕНИИ К КАТЕГОРИЯМ ПРЕДЕЛЬНО- СТИ/НЕПРЕДЕЛЬНОСТИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Основы современной аспектологии как самостоятельной лингвистической дисциплины закладывались в ходе теоретического осмысления фактов языков славянской группы [Маслов, 1965]. При этом значительную роль в развитии аспектологии сыграли идеи таких учёных, как Ю.Крижанич, А.И. Болдырев, И.И. Греча, А.А. Шахматов, Т.К. Ульянов, А.А. Потеня, Ф.Ф. Фортунатов, И.И. Мещанинов, В.В. Виноградов, Ю.С. Маслов и др. На современном этапе аспектологическими исследованиями в русском языке занимаются Н.С. Авилова [1976], А.В. Бондарко [1984], М.Я. Гловинская [1982], М.А. Шелякин [1987]. Универсальность разработанных аспектологами-славистами положений позволяет использовать последние при изучении соответствующих явлений в языках разных типов [Маслов, 1978; Бондарко, 1983].

В настоящее время аспектология - это наука о способах и средствах передачи аспектуальных значений. Критерием отнесения значений к аспектуальным принято считать его способность обозначать “внутреннее время” [Comrie, 1976; Маслов, 1959; Теория грамматического значения и аспектологические исследования, 1984]. Аспектуальные значения неоднородны. Есть мнение, что развёртывание “внутреннего времени” действия может получать количественное и качественное воплощение. Качественная аспектуальность включает такие существенные признаки, как “динамика/ статика”, “предельность/непредельность”, “достижение предела/ направленность на предел”. Количественная аспектуальность характеризует действия и состояния по кратности, степени длительности и интенсивности [Маслов, 1978]. Иногда в план содержания аспектуальности вводят обозначение развивающегося процесса/обозначение целостного факта, локализованность/нелокализованность действия во времени, вневременную локализованность, постоянство отношения, фазовость и некоторые другие [Бондарко, 1983, с. 78].

Средства передачи аспектуальных значений также неоднородны даже в пределах одного и того же языка. Они охватывают разные уровни языковой системы - морфологию, синтаксис, лексику. Поэтому в ас-

пектологических исследованиях получают распространение функционально-семантические методы. Эти методы ориентированы на подход “от значения к средствам выражения”, который позволяет объединять разнообразные языковые средства с общей функцией под понятием функционально-семантического поля (ФСП) [Теория грамматического значения и аспектологические исследования, 1984; Теория функциональной грамматики, 1987].

Функционально-семантическое поле (ФСП) - это сложноструктурное двустороннее образование. В план содержания ФСП включаются элементы, объединяемые единой семантической функцией. План выражения составляют языковые элементы, которые могут принадлежать к разным языковым уровням. Языковые элементы ФСП находятся в иерархических отношениях : ядро поля составляет грамматическая категория, периферию - лексико-грамматические (“ближняя периферия”), лексические, синтаксические, контекстуальные средства (“дальняя периферия”) [Бондарко, 1983: 4; 1971, с. 4-5].

К компонентам плана выражения поля аспектуальности относят: категорию вида, способы действия, сочетания с фазовыми глаголами, синтаксические конструкции, видо-временные элементы с видовыми значениями, оппозиционные группировки предельных и непредельных глаголов, лексические показатели, комбинированные средства, явления скрытой грамматики, контекст [Бондарко, 1983]. Ядром ФСП аспектуальности выступает категория глагольного вида. Способы действия в качестве компонента ФСП аспектуальности составляют “ближнюю периферию” его ядра - вида, а в безвидовых языках являются соответственно центром поля [Шенцова, 1997: 10].

Изучение способов действия возможно также в рамках ФСП акциональности. Акциональная семантика охватывает фазовую структуру процесса и качественно-количественные характеристики действия, которые оказываются взаимонаправленными. Носителями акциональной семантики выступают глагольные формы, аналитические глагольные конструкции, наречия, именные падежные формы. В глаголе акциональная языковая семантика обязательно представлена внешними выразителями - грамматическими (морфологическими) показателями. Способы действия в таком понимании служат уточнению семантики процесса, добавляя дополнительные значения к лексическому значению исходного глагола. В рамках единства лексического значения глагола может объединяться лексическая и глагольная морфологическая (грамматическая) акциональность, которая противопоставляется неглагольной акциональности, т. е. выраженной за пределами глагольной леммы [Насилов, 1989, с. 195, 192].

В селькупском языке, который относится к видовым, способы действия (совершаемости, подвиды) представляют собой семантические и словообразовательные группировки глаголов, основанные на общности их значений и суффиксального оформления, которые дают действию дополнительную качественную и количественную характеристику. При этом обязательно учитываются определённые отрезки времени, такие как начинательность действия, его внутренняя расчленённость, законченность и т.д. Выражение в глаголе значения той или иной совершаемости не является обязательным, но возможно совмещение в глаголе нескольких показателей и, соответственно, нескольких акциональных значений. Совершаемости от одной и той же непроемной основы не составляют строгой системы противопоставлений, хотя суффиксы ряда совершаемостей ни структурных, ни семантических ограничений на присоединение не имеют [ОчСЯ I, с. 217-218]. Суффиксальные способы действия существуют в селькупском языке параллельно с аналитическими бивербальными образованиями, также передающими значения акциональной сферы [Воеводина, 1974]. С одной стороны, способы действия в селькупском языке имеют отношение к сфере аспектуальности, виду, предельности/непредельности, с другой стороны, в сфере глагольной акциональности они сосуществуют с иными средствами передачи соответствующих значений. Это и обусловило рассмотрение способов действия селькупского глагола в отношении к названным явлениям (гл. 1, 3 работы). Все имеющиеся описания способов действия в диалектах селькупского языка давали в основном структурную характеристику соответствующих глаголов [Прокофьев, 1935; Варковицкая, 1947; Helinski, 1983], поэтому в монографии больше внимания уделяется изучению семантических возможностей последних (гл. 2).

В семантической структуре глагола выделяются два слоя. Один из них определяет конкретное «содержание» действия: каково это действие, чем оно отличается от других действий. Второй определяет общие особенности протекания данного действия во времени: как это действие осуществляется, возникает и к каким результатам приводит (Ломов, 1977: 21). Второй семантический слой конституирует грамматическую семантику глагола как части речи (ср. Шелякин, 1983: 18). В этом обширном поле смыслов и выделяется сфера предельности/непредельности.

1. Категория предельности/непредельности в селькупском языке

1.1. Краткие сведения о категории предельности/непредельности в общетеоретическом плане

Противопоставление предельности/непредельности трактуется как наличие/отсутствие у действия предела, под которым понимается временная граница, ограничение протекания действия во времени (речь идет о действии в самом широком смысле, охватывающем любые разновидности глагольных предикатов, включая состояния и отношения). Со стороны семантики предел может быть охарактеризован как внутренний или внешний, реальный или потенциальный, эксплицитный или имплицитный.

Когда временная граница не зависит от характера самого действия и обуславливается внешними по отношению к нему факторами (обстоятельствами ограничения длительности и т.п., наступлением другого действия), мы имеем дело с внешним пределом (ср.: русск. «Он находился там до трех часов»). Если же ограничение протекания действия во времени определяется характером самого действия, отраженным в значениях глагола, то речь идет о внутреннем пределе. Такой предел касается «внутреннего времени действия» (Реферовская, 1977: 113-123; Скредина, 1980; 1981; Guillaume, 1984: 7-62;). Значения внутреннего и внешнего предела могут пересекаться и взаимодействовать.

Реальный и потенциальный пределы отличаются друг от друга разной степенью дискретности. Реальный предел - это самостоятельное, четко выделяющееся значение. Потенциальный предел - лишь переменный элемент, сопровождающий значение процессности.

Реальный предел выступает в двух разновидностях: как эксплицитный (явный, подчеркнутый) и как имплицитный (менее явный, неподчеркнутый). Выявление эксплицитного реального предела обычно не вызывает затруднений. С имплицитным пределом мы имеем дело, например, в следующих случаях:

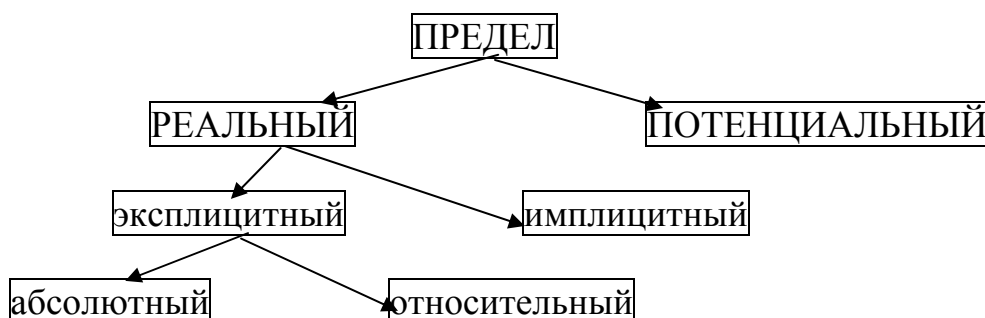
а) при нейтрализации видового противопоставления в настоящем историческом (ср.: русск. «После короткого затишья вдруг опять срывается дождь и с шумом обрушивается на землю»);

б) при «конкуренции видов»: (ср.: русск. «Я уже читал (=прочитал)»).

Иногда существенным оказывается различие невозможности/возможности дальнейшего продолжения действия. Оно дает основание для выделения двух следующих разновидностей предела: предела абсолютного и предела относительного. Различия между ними выявляются в

лексических значениях глаголов, в значениях некоторых способов действия, в ситуативной информации и в сочетаемости глагольных форм. Рассматриваемое членение проходит внутри понятия реального предела (по отношению к потенциальному пределу вряд ли существенно различие в направленности на абсолютный или относительный предел), причем чаще эксплицитного, выражаемого формами совершенного вида (Бондарко, 1986: 16-17). Соответственно категория предельности/непредельности может реализоваться в границах глагольной лексики, глагольной словоформы (внутренний предел) или более крупной синтаксической единицы (внешний предел).

Схема 1

Эти положения были разработаны и получили дальнейшее развитие в русской аспектологии, где категория предельности/непредельности является важнейшим признаком аспектуальности. Определение семантики русского вида у ряда учёных основывается именно на понятии предельности (Бондарко, 1978: 78-83; Маслов, 1978: 15; 1984:215; Гловинская, 1982: 8; Рассудова, 1982: 149).

Наличие или отсутствие в семантической структуре глагола границы развития действия/состояния (предела) обусловлено объективными особенностями реальных процессов и отражательным характером языка. В соответствии с этим реальные действия, которые в процессе своего протекания имеют пик развития, качественную границу (предел), рассматриваются как трансформативные. Глагольные лексемы репрезентирующие такие процессы в языке, называют предельными. Глагольные процессы реальной действительности (статальные, без пика своего качественного развития) репрезентируются в языке непредельными глаголами (Насилов, 1989: 65-70; Шенцова, 1997: 23).

Отражённый характер категории предельности приводит к признанию её универсальности. Понятие предельности как универсальной языковой категории разрабатывалось А.А. Холодовичем (1979: 112). Однако данные ряда неславянских языков как будто указывают на от-

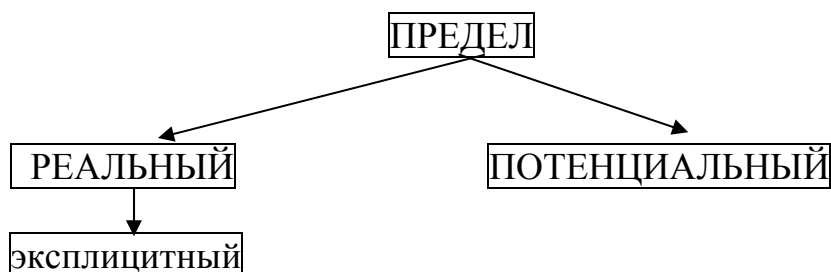
сутствие достаточных оснований для выделения предельности в качестве абсолютной доминанты аспектуальной семантики. Так, предельность не является постоянной семантической характеристикой во французском и английском языках. Нейтральность по отношению к названной категории характеризует глагольные основы в коми-зырянском и чукотском. Глаголы делятся на имперфективные и нейтральные в эвенкийском, некоторых тюркских и монгольских языках (Серебренников, 1960: 86; Котвич, 1962: 217; Юлдашев, 1965:275; Горелова, 1979: 37; Акимова, 1984: 73; Козинцева, 1984:109-127; Недялков, Инэнликэй, 1984: 202; Реферовская, 1984: 95, 97; Шубин, 1987:348; Шенцова, 1997: 23-24).

1.2. Предельные и непредельные глаголы в селькупском языке

В селькупском языке, как и в русском, категория предельности/непредельности является важнейшим признаком сферы аспектуальности: определение семантики вида в селькупском языке дается через понятие предельности (см. далее «Категория вида в селькупском языке»). Предельность есть входящее в семантику глагола указание на ограничение в развитии действия.

В исследуемом языке категория предельности носит характер двучленного противопоставления и реализуется через грамматические группировки предельных и непредельных глаголов. «Грамматичность» предельности в селькупском связана с тем, что предельные глагольные лексемы имеют формы двух видов, а непредельные – одного. Семантика предела членится в селькупском языке следующим образом:

Схема 2

Имплицитный предел в селькупском языке отсутствует, поскольку случаи нейтрализации видового противопоставления не встречаются.

Критерии определения предельности/непредельности глагольной лексемы подразделяются на семантические и формальные. С опорой на денотат и значение реальной действительности дифференцируются

трансформативные и нетрансформативные процессы. Непредельные глаголы обозначают гомогенные нетрансформативные процессы. К предельным относятся глаголы, обозначающие трансформативные (результативные) процессы. Опора на формальные критерии в определении значений предельности/непредельности связана в селькупском языке со способностью предельных основ присоединять показатели несовершенного вида (см. раздел «Категория вида в селькупском языке»), а также с тем, что глаголы, содержащие в основе определенные суффиксы, среди которых и суффиксы способов действия, однозначно характеризуются либо предельностью, либо непредельностью. Деление глаголов на предельные и непредельные осуществляется последовательно.

Примеры предельных глаголов:

а) непроизводные: *čaru-gu* «выскочить»; *čanžj-gu*, *čažžj-gu* «выйти»; *ī-gu* «взять»; *ḱō-gu* «найти, обнаружить»; *ḱū-gu* «умереть»; *kūnj-gu* «сбежать»; *ḱβen-gu*, *ḱβan-gu*, *ḱβen-gu* «отправиться, пойти»; *ḱβet-ku*, *ḱβat-ku*, *ḱβet-ku* «убить»; *mīj-gu*, *medə-gu* «подойти»; *mē-gu* «сделать»; *mi-gu*, *me-gu* «дать»; *mūsj-gu*, *mužə-gu* «свариться, поспеть»; *nū-gu*, *nō-gu* «открыть (дверь)»; *nūnj-gu* «устать»; *omdj-gu*, *obdj-gu*, *umdj-gu* «сесть»; *pat-ku* «залезть»; *pen-gu*, *pen-gu*, *pan-gu* «положить»; *piččj-ku* «постричь»; *pot-ku* «сварить»; *pū-gu* «переплыть через реку, переправиться»; *šēr-gu*, *ser-gu* «войти»; *taḱ-ḱu* «зарыть»; *tī-gu*, *βēsj-gu*, *βaž(ə)-gu* «взлететь, подняться»; *tikkj-gu*, *čikkj-gu* «развязать, распрячь»; *tū-gu*, *tō-gu* «прийти»; *t'u-gu*, *k'u-gu*, *č'u-gu* «растаять»; *uti-ku* «остановиться» и т. п.;

б) производные:

-семельфактивы: *ḱot-ḱj-l-gu* «кашлянуть»; *ḱβej-ḱj-l-gu* «вздохнуть»; *ḱess-al-gu* «скатиться»; *lakḱ-ol-gu* «сдвинуться»; *topp-ol-gu* «пнуть»;

- перфективы: *ḱu-l'd'i-gu* «(уже) умереть (мгновенно)»; *tū-l'd'i-gu* «(уже) растаять (быстро)»; *amdj-l'd'ē-gu* «(уже) посидеть (немного)»; *ippj-l'd'ē-gu* «(уже) полежать (немного)»; *tu-l'd'ē-gu* «(уже) прикрыть»; *ütt-ēl'd'i-gu* «(уже) попить немного и быстро»; *itt-ēl'd'i-gu* «(уже) повесить (быстро)»;

- ингрессивы: *ḱöd-εl-gu* «заболеть»; *mūd-εlj-gu* «залаять»; *ḱikk-εlj-gu*, *ḱæg-εl-gu*, «захотеть»; *tēlənku-εl-gu* «начать рождаться»; *ḱott-oj-ku* «взвыть»; *ḱarr-aj-ku* «закричать»; *siḱmd-oj-ku* «засвистеть» и т. п.;

- аттенуативы: *afər-ē-gu* «поесть (немного)»; *kuk-εptj-gu* «(слегка) кивнуть»; *amd-ē-gu* «посидеть (немного)» и т. д.

Примеры непредельных глаголов:

а) непроеизводные: *amtj-ku*, *amdj-gu*, *abdj-gu* «сидеть (одуш.) / стоять (неодуш.)»; *ātu-gu*, *adj-gu* «вднеться, быть на виду»; *čāčj-ku*, *čažj-gu* «идти, шагать»; *ē-ku*, *ē-gu*, *ē-gu* «быть, иметься»; *ētj-gu*, *adj-gu* «ждать, надеяться»; *ippi-gu*, *eppi-gu* «лежать»; *kj̄kj̄-gu*, *kij̄-gu*, *kəgə-gu* «хотеть, любить»; *ḵondj-gu*, *ḵoddj-gu* «спать»; *kukj̄-gu*, *kugj-gu* «качаться»; *köd' i-gu*, *koja-gu*, *köšj-gu* «ходить»; *lakj̄-gu*, *laḵj-gu* «двигаться, шевелиться, работать»; *lokj̄-gu*, *loḵj-gu* «торчать, быть воткнутым»; *ñesj-gu*, *ñažə-gu*, *ñašj-gu* «кататься, катиться»; *t'anjj-gu*, *čanjj-gu* «отсутствовать»; *ündj-gu*, *üddj-gu* «слышаться, быть слышным»; и т. п.;

б) производные:

- узитативы: *ē-kku-gu* «бывать»; *kβaja-kku-gu* «ходить периодически, похаживать»; *ḵβandj-kku-gu* «носить периодически»; *pal'd'u-ku-gu* «ходить периодически, погуливать»; *am-gu-gu* «кушать периодически»; *pažal-gu-gu* «косить периодически»;

- фреквентативы: *šēr-oḵjmbu-gu* «заходить, захаживать часто»; *kβäžj-ijjmbu-gu* «оставлять часто»; *koralž-oḵjmbj-gu* «разрешать часто»; *kj̄nž-oḵombj-gu* «ставить сети часто»;

- мультипликативы и дуративы: *ḵoddōl-bj-gu* «хотеть спать, клевать носом»; *puttol-bj-gu* «плевать»; *üppal-bj-gu* «кочевать»; *pin-py-ɬo* «хранить»; *pen-bj-gu* «хранить»; *poru-mbj-gu* «гореть»; и т. п.

Суффикс имперфективной совершаемости (сев. $-T[(\varepsilon)n]tj-$, где $T = \emptyset, t, n, \check{c} \sim$ южн. $-T[(\varepsilon)n]\check{c}j-$, где $T = \emptyset, n, \check{c}$), который чаще присоединяется к основам предельных глаголов, не изменяет при этом значение предельности производящей основы: *ḵondol-čenžj-gu* «засыпать» (пред.) < *ḵondol-gu* «заснуть» (пред.); *am-čə-gu* «съесть» (пред.) < *am-gu* «съесть» (пред.); *porol-čenžə-gu* «заворачивать(ся)» (пред.) < *porol-gu* «завернуть(ся)» (пред.); ср. *sanžjir-čenžj-gu* «играть(сейчас)» (непред.) < *sanžjir-gu* «играть (вообще)» (непред.) и т. п.

Присоединение суффиксов субъектных (сев. $-k̄ij̄l-$, $-k̄älj-$, $-k̄ij̄l̄l̄j-$, $-k̄äl̄l̄j-$ + $-mpj(-\bar{i}-, -\bar{i}l'čj-)$; $-älj-$, $-äl(\bar{o}l)j-$, $-əlj-$ + $-mpj(-\bar{i}-, -\bar{i}l'čj-)$ ~ южн. $-k̄il(i)-$, $-k̄al(i)-$; $-el(i)-$ / $-el(i)-$) и объектных (сев. $-k̄Vl(\bar{o}l)-$, где $V = j, ä, -äl(\bar{o}l)-, -l(\bar{o}l)-, -\bar{o}l-$ ~ южн. $-k̄il-$, $-k̄al-$, $-el-$, $-el-$) дистрибутивов никак не модифицирует значение предельности / непредельности производящей основы: *ol'žj-elj-ko* «уступать многим» (пред.) < *ol'žə-ko* «упасть» (пред.); *amd-elj-gu* «сидеть многим» (непред.) < *amdj-gu* «сидеть» (непред.); *el-elj-gu* «жить многим» (непред.) < *elj-gu* «жить» (непред.); *kj̄r-əl-gu* «ободрать многих» (пред.) < *kj̄rə-gu* «ободрать»

(пред.); *roida-ḱil-gu* «зарыть многих» (пред.) < *roida-gu* «зарыть» (пред.) и т. п.

2. Категория вида в селькупском языке

2.1. Краткие сведения о категории вида (аспекта) в общетеоретическом плане

В отличие от предельности/непредельности семантизация вида вызывает в грамматике значительные затруднения. Семантика вида предстает расплывчатой, понятийная база и референтно-денотативный аспект категории представляются нечёткими и многообразными (Кацнельсон, 1972; Степанов, 1981; Слюсарева, 1986: 130; Кузнецова, 1996: 42).

Описание глагольной системы на основе категории вида является изобретением славянской грамматической традиции, итогом длительных поисков, борьбы разных точек зрения. По условиям своего возникновения категория вида была призвана объяснять через семантику глагольной процессуальности двойственное положение славянских глаголов по отношению к категории времени (одна из форм изъявительного наклонения, имея всегда одинаковое окончание, в некоторых случаях указывает на настоящее, в других – на будущее) (Кузнецов, 1961: 133; Яхненко, 1994: 40).

Несмотря на то, что изучение категории аспекта в славянских языках имеет давнюю традицию, значения видов не считаются в них до конца обоснованными, ни одна из высказанных точек зрения не является общепризнанной (Гловинская, 1982: 6). Вызывают существенные разногласия такие ключевые вопросы для описания категории, как средства выражения, семантический инвариант видовой оппозиции, связь общих видовых значений с их текстовыми реализациями (Русский вид в прикладных исследованиях, 1994: 3).

Так, в качестве единого инвариантного значения совершенного вида в русском языке предлагаются законченность (Ф. Миклошич, П.А. Богородицкий), результативность (С.О. Карцевский, И.П. Мучник), точность, непротяжённость действия (А. Бругман, А. Мейе, А. Мазон, А.М. Пешковский), целостность действия (А.П. Размусен, Ф. де Соссюр, А. Достал, Р. Ружичка, Ю.С. Маслов, А.В. Бондарко), предельность (Р.О. Якобсон, В.В. Виноградов, Н.С. Авилова, Е.А. Земская, М.В. Панов, А.Н. Тихонов) (Гловинская, 1982: 7-12). В семантике несовершенного вида выделяются несколько периферийных значений, что вообще подвергает сомнению существование инвариантного значения у не-

совершенного вида (Гловинская, 1982: 14). Однако несмотря на то, что проблема инвариантного значения вида русского глагола не получила окончательного решения, существование категории вида в русском языке и полный охват этой категорией всех без исключения русских глаголов не подвергаются сомнению (Русская грамматика, 1980: 582-583).

Не меньше проблем имеет пока и общая аспектология. До конца не ясно, какую модель видовых отношений считать типичной: такое явление, как вид в русском и других славянских языках, представленное несколькими различными моделями, или такое, как вид в английском с противопоставлением форм «continuous» и «простых», или же вид как категорию предложения, существующую во многих языках помимо названных типов (Булыгина, Степанов, 1988: 29). Классическим образцом категории вида считают трёхчленную корреляцию основ презенса, аориста и перфекта в древнегреческом. Видами называют противопоставление основ перфекта и инфекта в латыни, формы типа аккад в семитских языках. В качестве видовых рассматриваются также противопоставления, проявляющиеся в том или ином языке только в рамках прошедшего времени (Вопросы глагольного вида, 1962).

Достаточное распространение в общей аспектологии имеют идеи так называемого «темпорального направления», восходящие к А.М. Пешковскому (1959: 104-105). Схожие идеи получили развитие в работах Ж. Вейнрейка, Г. Гийома, Б. Комри (Veugene, 1965; Guillaume, 1969; Comrie, 1976; Бондарко, 1983: 125;). Суть этих воззрений сводится к тому, что и темпоральные, и аспектуальные значения связаны с общей идеей времени. Но если в темпоральных значениях она проявляется как локализация обозначаемого действия по отношению к моменту речи (настоящее, прошедшее, будущее), а в случае таксисных отношений осуществляется как «синхронность», «предшествование», «следование», то в аспектуальных значениях идея времени проявляется как внутреннее свойство действия и выражается в обозначении длительности или мгновенности, наличии или отсутствии внутреннего предела и т. д. (Маслов, 1965: 5-7; Шанский, Тихонов, 1987:255).

Есть мнение, что семантическая оппозиция «целостность/нецелостность (процессность)» с маркированностью признака «нецелостность» представлена в глагольных системах многих языков мира - испанского, португальского, итальянского, французского, албанского, литовского, турецкого (Маслов, 1984: 21-27). В английском и эвенкийском языках эту оппозицию выделяют в основе семантики грамматической категории вида (Акимова, 1984: 82; Горелова, 1979). Тем самым появляются основания считать данный семантический признак для существующих языков более или менее универсальным (Бондарко, 1983: 78; Шенцова, 1997: 9).

Но в целом, как показывают наблюдения, в языках мира выделяются достаточно разнообразные аспектуальные значения (ЛЭС: 83). Классификация выделенного конкретного аспектуального содержания в отношении категориальной принадлежности основывается на формальных моментах, приписываемых грамматической (морфологической) категории в целом. Общим для всех случаев выделения категории вида является наличие грамматического противопоставления, носящего строгий парадигматический характер, охватывающего всю глагольную лексику или, хотя бы, достаточно широкую его часть и проявляющегося в рамках одного лексического значения.

Противопоставление аспектуальных значений выступает как вид, если получает в том или ином языке статус грамматической категории. В противном случае оно рассматривается как семантическая (понятийная) категория (Мещанинов, 1948: 198-199) или как противопоставление «аспектуальных классов» (динамические/статические, предельные/непредельные глаголы) и их подклассов - так называемых способов действия в рамках функционально-семантического поля аспектуальности (Бондарко, 1971: 3-235).

2.2. Вид в диалектах селькупского языка

В настоящее время научно обосновано, что селькупский язык относится к видовым (ОчСЯ I: 217-218; Кузнецова, 1986: 2-4; 1987: 69; Хелимский, 1988: 35; Кузнецова, 1990: 40; 1995: 19-37). Однако достаточно долго этот факт оставался не выявленным специалистами. Под видом в селькупском либо понимались дополнительные суффиксально отмеченные количественные и качественные характеристики процесса, иначе говоря, видами считались способы действия, либо в языке вообще выделялись только последние (Прокофьев, 1935: 53-58; Варковицкая, 1947: 55-170; Collinder, 1969: 466-467; Воеводина, 1977: 52-58).

Ясность в данный вопрос была внесена авторами «Очерков по селькупскому языку», профессором А.И. Кузнецовой и её учениками, которые обосновали наличие в селькупском языке грамматической категории аспекта, строящейся на противопоставлении совершенного вида несовершенному, отграничив соответствующую категорию от лексико-грамматических группировок способов действия (ОчСЯ I: 217-218).

Теоретические положения относительно категории вида в селькупском языке, разработанные на северном диалектном материале, оказались вполне применимыми к селькупским материалам южной диалектной группы, где они и получили своё дальнейшее развитие. Наиболее полно проблемы категории аспекта в селькупских диалектах южно-

го ареала и в языке в целом освещены в монографии «Грамматические категории южноселькупского глагола» (Кузнецова, 1995).

Основные моменты описания и анализа категории вида в селькупском состоят в следующем: вид как категория строится в языке на противопоставлении совершенного вида несовершенному. В качестве семантического инварианта видовой оппозиции для селькупского выведена ограниченность/неограниченность в развитии действия, т. е. определение вида смыкается с определением предельности/непредельности.

Исходно категория вида в селькупском языке определялась как лексико-синтаксическая в том смысле, что носителем видового значения выступает лексическая единица, а категориальные значения обнаруживаются по способности словоформ выступать в определенных типах словосочетаний (имеются в виду сочетания глагольных словоформ с аспектуально значимыми словами - наречиями определённой семантики). Видовая дифференциация проходит практически через всю глагольную систему, выявляясь через всю глагольную систему, выявляясь через две семантические разновидности времен, наклонений, причастных, деепричастных форм и т. д. Например, в рамках настоящего общего времени индикатива (=презент 1; здесь и далее классификация парадигматических форм глагола по: Кузнецова, 1995) выделяются такие семантические разновидности, как настоящее процессуальное, образующееся от основ несовершенного вида (тым. *letući taβa pit konda* «летучая мышь ночью спит» (*kondə-gu* «спать» НС); об. *tįdam tabeyum laripba pajatdine* «теперь мужик боится жены своей» (*laripbi-gu* «бояться» НС)), и настоящее результативное, образующееся от основ совершенного вида, формы которого указывают на отнесённость действия к (недавнему) прошлому (кет. *ter pečan moqkon čaruŋ* «(вот) он из-за печки вышел» (*čaru-gu* «выйти» СВ)); об. *ḡattə sernattə sobl'a kum* «(вот) в дом вошли пять человек» (*ser-gu* «войти» СВ). В рамках давно прошедшего времени индикатива (= претерит) выделяются такие семантические разновидности, как давно прошедшее процессуальное, образующееся от основ несовершенного вида (кет. *taβakka amguzit nužət* «мышонок ел траву» (*amgu-gu* «есть периодически, регулярно» НС); тым. *kočebar koškasak qoro qbıtku* «много раз я ходил медведя добывать» (*košku-gu* «ходить периодически, регулярно» НС) и давно прошедшее результативное, образующееся от основ совершенного вида (тым. *mat tįndə konžirsap* «я давно тебя увидел» (*konžirgu* «увидеть» СВ); об. *mat tabet ḡannei pl'ekantə čoččisap qbıləp* «я перед ней поставила (тогда) рыбу» (*čoččigu* «поставить» СВ) и т.п. (подробно об этом: Гальцова, 1993).

В рамках причастной формы на ^(*)-(n)taj выделяются как семантические разновидности причастия настоящего времени (= совершающегося действия), образующиеся от основ несовершенного вида (кет., об. *kūdīndi* «болеющий» (*kūdī-gu* «болеть» НС), кет. *amgundī* «кушающий» (*amgu-gu* «кушать периодически, регулярно» НС), и причастия прошедшего времени (= (недавно) совершившегося действия), которые образуются от основ совершенного вида (об. *βezitdi* «(недавно) взлетевший» (*βezi-gu* «взлететь» СВ); кет. *kβatīndi* «(недавно) убитый» (*kβat-ku* «убить» СВ)). В рамках формы простого деепричастия на ^(*)-lā выделяются как семантические разновидности деепричастия одновременного действия от основ несовершенного вида (кет. *amdil'e* «сидя» (*amdi-ku* «сидеть» НС); кет., об. *pēl'e* «разыскивая» (*pē-gu* «искать», «разыскивать» НС)) и деепричастия предшествующего действия от основ совершенного вида (кет., нар., тым *tūl'e* «придя» (*tū-gu* «прийти» СВ); кет. *laqčij'e* «сломав» (*laqčj-gu* «сломать» СВ)) и т. п. (Кузнецова, 1987: 163; 1995: 191).

Особое место по отношению к виду занимает в диалектах южной группы лишь часть суффиксальных глаголов на -(m)pə-, семантика которых, исходя из имеющихся описаний, находится в диапазоне дуративности/стативности (нерезультативная, результативная)/ результативность (ОчСЯ 1: 210; Недялков, Яхонтов, 1983: 12-17; Кузнецова, 1985: 36-37). Определение видового значения дуративных и стативных глаголов не вызывает затруднения: они относятся к несовершенному виду. В то же время субъектные и объектные результативы (= пассивные глаголы, см. также главу 3 данной работы), с одной стороны, сохраняют значение вида производящей основы (совершенный) и указывают на законченность, исчерпанность действия (ограничение в развитии действия, совершенный вид). С другой стороны, такие глаголы передают и значение состояния как некоторой длительности (неограниченность в развитии действия, несовершенный вид). Поэтому основы субъектных и объектных результативов синкретичны в отношении значений категории вида (ограниченность/неограниченность в развитии действия). Таким образом, двойственное положение субъектных и объектных результативов по отношению к виду объясняется тем, что их основы – по своей сути интранзитивные перфекты (о видовом значении интранзитивного перфекта подробно см.: Маслов, 1983: 43).

Далее вид в селькупском языке преобразуется в грамматическую группировку глаголов, объединенных общими особенностями парадигм: в тазовском диалекте селькупского языка глаголы несовершенного вида образуют причастия настоящего времени, тогда как глаголы совершенного вида этих форм не имеют. На юге аналогичные образования

от основ совершенного вида (причастия (недавно) совершившегося действия) в принципе возможны, но малоупотребительны.

Парадигматизация вида в селькупских диалектах южного ареала связана с выделением специальных показателей, формирующих видовые пары. Основными способами образования последних являются имперфективация и перфективация. Имперфективация, или образование видового коррелята к основе совершенного вида, отличается в диалектах юга регулярностью, единообразием и полным устойчивым тождеством лексических значений в абсолютном большинстве видовых пар. В качестве универсальных показателей процесса на синхронном срезе признаны: тым., нар., об. *-(e)špə-*, кет. *-(k)ku-*. Первый суффикс не имеет никакой дополнительной акциональной семантики, второй обладает способностью к передаче значения итеративности (см. главы 2, 3 данной работы).

Способом имперфективации видовые пары образуют все непродуцируемые предельные глаголы и подавляющее большинство производных предельных глаголов: тым., нар., об. *mē-gu*, *te-gu* «сделать» СВ → *mē-špə-gu* «делать» НС; *ī-gu*, *i-gu* «взять» СВ → *ī-špə-gu* «взимать» НС; *ḱū-gu* «умереть» СВ → *ḱū-špə-gu* «умирать» НС; *čū-gu* «растаять» СВ → *čū-špə-gu* «таять» НС; *šüt-ku* «сшить» СВ → *šüd-ešpə-gu* «шить» НС; *ḱβet-ku* «убить» СВ → *ḱβed-ešpə-gu* «убивать» НС; *pat-ku* «залезть» СВ → *pad-ešpə-gu* «залезать» НС; *šer-gu* «войти» СВ → *šer-ešpə-gu* «входить» НС; *βažə-gu* «подняться, взлететь» СВ → *βaž-ešpə-gu* «подниматься, взлетать» НС; *našal-gu* «скатиться» СВ → *našal-ešpə-gu* «скатываться» НС; *ḱondol-gu* «заснуть» СВ → *ḱondol-ešpə-gu* «засыпать» НС и т.п.

Перфективация как перевод основы несовершенного вида в основу совершенного вида не отличается в диалектах юга единообразием средств выражения. При этом суффиксы, осуществляющие перфективацию, передают значение вида и способа действия одновременно (суффиксы ингрессивности, аттенуативности (-перфективности), (интенсивности-) перфективности (финитивности)): тым., нар., кет., об. *mudj-gu*, *mudu-gu* «лаять» НС → *muttelgu*, *mud-el(i)-gu* «залаять» СВ; нар., кет., об. *amdj-gu*, *amdə-gu* «сидеть» НС → *amd-ē-gu*, *amd-ē-gu* «(уже) посидеть (немного)» СВ; кет. *aβjir-gu* «кушать, питаться» НС → *aβjir-il'd'i-gu* «(уже) накушаться» СВ и т. д. (см. также главу 3). Поэтому видовые пары, образованные способом перфективации, не могут быть признаны видовыми в полном смысле слова. В видовые пары объединяются и супплетивные основы, но число таких пар ограничено:

pēgi «искать» - *ḵogi* «сыскать»; *ńōgi* «догонять» - *mīḡgi*, *medāgi* «догнать».

Непарными глаголами несовершенного вида остается в диалектах юга часть производных глаголов состояния, а также мультипликативные и итеративные глаголы, образованные суффиксально (см. главу 2 данной работы). Среди одновидовых глаголов совершенного вида - суффиксальные дериваты со значением мгновенности, однократности, начинательности и т.п. от перфективных основ. В основе «непарности» части суффиксальных глаголов, очевидно, лежит несочетаемость формантов с разным видовым значением, которая характерна и для других самодийских языков (Кузнецова, 1995: 28-32).

Несмотря на то, что категория вида в селькупском языке семантически смыкается с категорией предельности/непредельности (см. выше), последняя занимает по отношению к виду подчиненное положение. Это находит выражение, например, в распределении предельных и непредельных глаголов по видовым классам: несоотнесительный несовершенный вид представляют непредельные глаголы; видовые пары и совершенный вид характеризуются предельностью. С совершенным видом всегда связан реальный эксплицитный предел, потенциальный предел характеризует прежде всего часть глаголов несовершенного вида.

3. Способы действия

3.1. Понятие «способ действия»

Понятие «способ действия» было введено С. Агреллем в начале XX века. Этим термином он обозначил «семантические функции приставочных глаголов (а также некоторых бесприставочных образований), которые уточняют, как совершается действие, обозначают способ его осуществления» (Маслов, 1984: 12). Тем самым термин распространялся и на план содержания («семантическая функция»), и на план выражения (структурные группировки глаголов).

Введенный С. Агреллем термин «способ действия» достаточно долго оставался неоднозначным. Его использовали применительно и к лексической, и к грамматической (морфологической) глагольной акциональности, если к способам действия относили все акциональные значения независимо от техники их обнаружения (Кухтенкова, 1966; 1967:105; Маслов 1978: 4-44; Шелякин 1983: 173). Позже к способам действия стали относить прежде всего формально-фиксированные значения, выделяя при этом формально-нефиксированные в особую категорию (Исаченко, 1960: 71, 99; Авилова 1976: 270-316; Соболева, 1984: 71, 99).

Как показала практика, трактовка способов действия в качестве формально отмеченных типовых значений, которые, присоединяясь к значениям исходных глагольных лексем порознь или в комбинации друг с другом, образуют различные структурно-семантические классы глаголов (или специфических глагольных конструкций) является более перспективной. При таком подходе понятие способа действия и семантического класса отличаются друг от друга (Храковский, 1980: 9). Некоторые затруднения вызывает в данном случае лишь то, что семантические границы отдельных формально охарактеризованных способов действия не всегда оказываются чёткими (ср. Русская грамматика, 1980: 600).

Понятие «способ глагольного действия» связано с несамостоятельной языковой семантикой, с выражением дополнительных деривационных значений в глаголе. К способам действия относятся только «вторичные» значения, которые могут функционировать лишь сопровождая «первичные» лексические значения. В таком понимании способы действия служат уточнению семантики процесса, добавляют значения к лексическому значению исходного глагола. Они действительно оправдывают своё наименование, показывая, каким способом осуществляется тот или иной процесс, как он протекает и развивается (Насилов, 1989: 96-97).

При таком понимании способов действия остается достаточно спорным определение их семантических границ. Но аспектология едины в том, что изменение фазовой структуры и вызванное этим изменение предельности/непредельности принадлежит к способам действия. Основной функцией способов действия некоторые аспектологи считают модификацию фазисности - подчеркивание, выделение, актуализацию одной из фаз процесса. К таким способам действия допустимо применять понятие «базовых», поскольку они связаны с сущностными характеристиками любых процессов. Именно это качество определяет универсальность таких способов действия. Их можно называть способами первой степени, или первого ранга.

Каждый признак процесса представляется в определенной мере, соответствуя понятию нормы или нарушая ее либо в сторону увеличения своего проявления, либо в сторону уменьшения, ослабления. Поэтому измерение признака процесса признается одной из важнейших процедур, находящих выражение в способах действия. Способы действия, репрезентирующие отношение к норме данного процесса (интенсивность) и его длительности, называют способами второй степени, или второго ранга.

Интенсивность и длительность (способы действия второго ранга) сами могут быть измерены и представлены в количественном выраже-

нии. При таком рассмотрении количественность оказывается третьим семантическим слоем в структуре осложненного лексического значения глагола, в некотором роде внешним по отношению к внутренней структуре всего процесса. Соответственно, способы действия, репрезентирующие количественность в таком плане, определяются как принадлежащие к третьему рангу.

Также внешней по отношению к внутренней семантике оказывается и характеристика направленности процесса (пространственной ориентации), которая накладывается на лексическое значение глагола. Эти способы действия относятся к четвертой степени, или к четвертому рангу. Есть мнение, что чем далее от модификации внутренних свойств процесса удаляется семантика присоединяемых морфем, тем шире она охватывает лексическое значение в целом, захватывая при этом и его «вещественные» компоненты. Результат этого процесса – появление лексем не с модифицированным акциональным компонентом, а с новым вещественным (денотативным) содержанием (Насилов, 1989: 98-104).

Такой широкой трактовке семантики способов действия противопоставляется более узкая. К способам действия предлагается относить лишь те глаголы, которые получают показатели, модифицирующие исходный глагол в значениях, родственных видовым, т. е. в отношениях фазисности и количества действия (Соболева, 1984: 98; Исаченко, 1960: 209).

3.2. Способы действия селькупского глагола

В настоящее время под способами действия в селькупском языке понимаются лексико-грамматические группировки глаголов, выделяемые, прежде всего на основании общности их суффиксального оформления (поэтому и обозначаемые термином «совершаемость», введённым А.В. Исаченко для грамматически охарактеризованных явлений акциональной сферы) и общности деривационных значений. В выделении способов действия селькупского глагола подход «от формы к значению» хорошо прослеживается в работах Г.Н. Прокофьева (1935), Л.А. Варковицкой (1947), Н.Г. Кузнецовой (1987). Лишь в «Очерках по селькупскому языку» этот подход дополняется подходом и «от значения к форме». Тем самым структурно различные, но семантически схожие аффиксы, модифицирующие значение глагола, рассматриваются в рамках одного способа действия (однородные совершаемости - ОчСЯ I: 217-233).

На сегодня наиболее полная структурно-семантическая характеристика способов действия в селькупском языке выполнена для тазовского диалекта (ОчСЯ I: 217-233). Анализ языковых материалов позво-

лил выявить следующие соответствия суффиксам совершаемостей тазовского диалекта среди аналогичных суффиксов в диалектах южной группы (см. таблицу 1, Приложение 1).

Как следует из таблицы 1, в южных диалектах селькупского языка суффиксальное выражение находят в глаголе прежде всего количественные характеристики действия: кратность (однократность и три типа многократности (интеративность, мультипликативность, дистрибутивность), каждый из которых реализуется в нескольких вариантах) и интенсивность (интенсивность, аттенуативность). Выделение в глаголе одной из фаз процесса специализированными аффиксами распространения на юге, как впрочем, и на севере, не получает. Кроме аффиксов ингрессивности, никаких специализированных средств выделения фазовой структуры процесса в языке нет. Значение фазовости может дополнять в способах действия селькупского глагола количественные характеристики процесса (аттенуативность, интенсивность, узитативность – см. главу 3 данной работы). Поэтому рассмотрение преобразования предельности/непредельности в связи с выделением способами действия фаз процесса не является для селькупского языка актуальным. Актуально изучение в способах действия преобразований предельности/непредельности в связи с отношением способов действия к виду. На базе суффиксов способов действия в селькупском языке формируются видовые показатели. Условием перехода суффикса способа действия в такой показатель является отсутствие способности к преобразованию значения предельности/непредельности основы при передаче определенного видового значения.

Количественные характеристики действия в их разнообразных проявлениях, получившие в селькупском глаголе суффиксальное выражение, рассматриваются подробно в главе 2 данной работы «Способы действия селькупского глагола и количественная характеристика процесса». Описание ингрессивности и имперфективности приводится в главе 3 «Способы действия селькупского глагола и фазовая структура процесса». Сведения о перфективности (финитивности), сочетающейся аттенуативностью и интенсивностью, содержатся в главах 2 и 3. Двухактно-финитивная совершаемость тазовского диалекта, суффиксами которой в диалектах юга аналогов не обнаружено, и характеристические совершаемости, суффиксы которых выражают не дополнительные характеристики действия, а отношение действия к его субъекту (ОчСЯ 1: 232-233), в данной работе не рассматривались.

В селькупском языке подавляющее большинство показателей совершаемостей, указывая на ограниченность/неограниченность в развитии действия, одновременно выступают носителями конкретной видовой семантики и могут определенным образом трансформировать зна-

чение предельности/непредельности глагольного действия. Представляя действие либо как развивающееся, либо как ограниченное пределом в своем развитии, они уточняют при этом, что незаконченность в развитии действия есть его бесконечно продолжающееся или постоянное повторение и т.п., а законченность связана с мгновенным осуществлением, однократностью и т.п. Непроизводные глаголы, которые иначе могут быть названы глаголами «нулевой совершаемости» (ОчСЯ I: 217), такой дополнительной информации о законченности или незаконченности действия не несут (Кузнецова, 1995: 20-21).

В южных диалектах селькупского языка глаголами несовершенного вида (имперфективными в широком смысле) являются:

1. Глаголы нулевой совершаемости:

1.1. непредельные глаголы:

а) глаголы состояния (непроизводные и связанные с именами отношениями конверсии): *amti-ku*, *amdi-gu*, *abdi-gu* «сидеть (одуш.)/стоять (неодуш.)»; *ippi-gu*, *eppi-gu* «лежать»; *kik̄i-gu*, *kigi-gu* «хотеть, любить»; *k̄ōdi-gu*, *k̄ūdi-gu* «болеть» (*k̄ōdi*, *k̄ūdi* «болезнь»); *mergi-gu* «дуть ветру» (*mergi(t)* «ветер»); *serro-gu* «идти дождю» (*serro* «дождь»); *tassu-gu* «быть морозу» (*tassu* «мороз»); и т. п.;

б) непереходные глаголы ненаправленного движения и отыменные суффиксальные и бессуффиксальные дериваты со значением «заниматься какой-либо деятельностью, используя X», «заниматься какой-либо деятельностью, связанной с получением X», действие которых замкнуто в сфере субъекта: *čiči-gu* «плыть против течения»; *k̄βil̄is-gu*, *k̄βelij-gu*, *k̄βeles-ku* «рыбачить, ловить рыбу» (*k̄βel*, *k̄βil(i)* «рыба»); *pongir(i)-gu*, *poggir(i)-gu*, *pok̄k̄ir-ku* «ловить рыбу сетью» (*pongi*, *poggi*, *pok̄k̄(i)* «сеть»); *pū-gu* «дуть»; *t'apsu-gu*, *čapsu-gu* «жарить на вертеле» (*t'apsu*, *čapsu* «вертел»); *tū-gu* «грести»; *u-gu* «купаться, плавать» и т. п.

1.2. небольшая группа предельных глаголов, передающих действие, которое не достигает своего внутреннего предела: *pē-gu* «искать» и *hō-gu* «догонять».

2. Глаголы ненулевой совершаемости:

2.1. глаголы с узитативным (сев. $-(k)ki\sim$ южн. $-(k)ki\text{-}/(k)ku\text{-}$, $-ki\text{-}/gi\text{-}$, $-ku\text{-}/gu\text{-}$), фреквентативным (сев. $-o\check{q}u\text{-}$ + $-mpi\text{-}$, $-l'\check{c}i\text{-}$, $-ol'\text{-}\sim\text{-}al\text{-}\sim\text{-}\check{a}l'\text{-}$ + $-pi\text{-}$ ($-\check{c}ir\text{-}$) \sim южн. $-o\check{q}u\text{-}$ + $-mpi\text{-}$), мультипликативным и дуративным (сев. $-(m)pi\text{-}\sim$ южн. $-(m)pi\text{-}$) значением (ОчСЯ I: 218-223; Кузнецова, 1987:81), которые передают неограниченное в своем

развитии действие независимо от того, от предельных или от непредельных основ они образованы:

- узитативы: *am-gu-gu* «кушать периодически»; *ē-kku-gu* «бывать»; *kβaja-kku-gu* «ходить периодически, похаживать»; *κβandj-kku-gu* «носить периодически»; *pal'd'u-ku-gu* «ходить периодически, погуливать»; *pažal-gu-gu* «косить периодически»;

- фреквентативы: *κjñž-oγombj-gu* «ставить сети часто»; *koralž-oγombj-gu* «разрешать часто»; *kβäž-iγimbu-gu* «оставлять часто»; *šēr-oγimbu-gu* «заходить, захаживать часто»;

- мультипликативы и дуративы: *ia-mbj-gu* «ржать»; *κjñgna-mbi-ku* «жужжать»; *koka-mbj-gu* «квохтать»; *lari-mbj-gu* «бояться»; *riñka-mbj-gu* «хрюкать»; *peñ-bj-gu* «хранить»; *mannj-mbə-gu* (<**manžə-mbj-gu*) «смотреть, бросать взгляды»; *poru-mbj-gu* «гореть» и т. п.

2.2. Глаголы имперфективной совершаемости (сев. $-T[(\epsilon)n]ti-$, где $T=\emptyset, t, n, \check{c} \sim$ южн. $-T[(\epsilon)n]\check{c}i-$, где $T=\emptyset, n, \check{c}$), представляющие предельное действие в развитии: *am-čə-gu* «есть»; *in-čə-gu* «брать»; *κβan-čə-gu* «уходить»; *κontol-čenčə-gu* «засыпать»; *porol-čenčə-gu* «заворачиваться» и т. п.

К глаголам совершенного вида (перфективным в широком смысле) относятся:

1. Глаголы нулевой совершаемости:

1.1. предельные глаголы, которые передают действие, достигшее своего внутреннего предела:

а) производные глаголы становления состояния субъекта, изменения состояния субъекта или изменения его положения в пространстве: *κū-gu* «умереть»; *mitj-gu, medə-gu* «подойти»; *müsj-gu, tužə-gu* «свариться, поспеть»; *šēr-gu, ser-gu* «войти»; *tj-gu, βēsij-gu, βaž(ə)-gu* «взлететь, подняться»; *tū-gu, tō-gu* «прийти» и т. п.;

б) отыменные суффиксальные глаголы становления качества или состояния субъекта: *ira-m-gu, ära-m-gu* «состариться» (*ira, ära* «старик»); *ñüsij-ŋ-gu, ñüsij-g-gu* «стать хозяином» (*ñüsij* «хозяин»); *nargi-zi-gu, nargi-s-ku* «покраснеть» (*ñarg(i)* «красный»); *sj-r-gu, hj-r-gu* «заржаветь» (*sj, hj* «ржавчина»); *βarkə-m-gu* «увеличиться» (*βark(i)* «большой»); и т. п.;

в) производные переходные глаголы (за немногими исключениями), действие которых предполагает непосредственное воздействие на объект: *ī-gu* «взять»; *κō-gu* «найти, обнаружить»; *κβet-ku, κβat-ku, κβet-ku*

«убить»; *mē-gu* «сделать»; *mī-gu*, *me-gu* «дать»; *nū-gu*, *nō-gu* «открыть (дверь)»; *pīt-ku*, *pet-ku* «смять»; *taḵ-ḵu* «зарыть»; и т. п.;

г) отыменные суффиксальные и бессуффиксальные переходные глаголы: *sakīt-ku*, *šakīt-ku*, *šayiti-ku* «посоливать» (*sak*, *šak* «соль»); *sari-gu* «завязать» (*sari* «узел»); *tirri-gu* «наполнить(ся)» (*tiri* «полный»);

ulyo-ptu-ku «покрыть льдом» (*ulyo* «лёд») и т. п.;

д) отглагольные переходные и возвратные глаголы: *aββ-i-gu* «съестся»; *pūd-i-gu* «перевезти через реку»; *süd-i-kku-gu* «шиться»; *taḵ-ḵil-i-gu* «собраться (вместе)»; *βet'-t'i-gu* «поднять» и т. п.

2. Глаголы ненулевой совершаемости:

2.1. глаголы с (интенсивно-, аттенуативно-) перфективным (финитивным) (сев. *-l'čj-*, *-ē-~* южн. *-l't'i-*, *-l'čj-*, *-ē-*), семельфактивным (сев. *-ä[t(ɔl)]-*, *-ḵilē-*, *-al-~* южн. *-ḵil-*, *-al-*, *-ol-*), ингрессивным (сев. *-li-*, *-äli-*; *-lläli-*, *-lläläli-*, *-eläli-~* южн. *-el(i)-*, *-el(i)-*; *-aj-*, *-oj-*) значением (ОчСЯ I: 223-228; Кузнецова, 1987: 81), суффиксы которых указывают на ограниченность в развитии действия независимо от того, к предельным или непредельным глаголам они присоединены:

- перфективы: *ippi-l'd'ē-gu* «полежать (немного, недолго) СВ» < *ippi-gu* «лежать» НС; *itt-ēl'd'i-gu* «(уже) повисеть (немного)» СВ < *itti-gu* «висеть» НС; *ḵū-l'd'i-gu* «(уже) умереть (мгновенно)» СВ < *ḵū-gu* «умереть» НС; *t'ū-l'd'i-gu* «(уже) растаять (быстро)» СВ < *t'ū-gu* «растаять» СВ и т. п.;

- семельфактивы: *ḵot-ḵil-gu* «кашлянуть» СВ < *ḵot-gu* «кашлять» НС; *kβej-ḵil-gu* «вздыхнуть» СВ < *kβej-gu* «вздыхать» НС и т. п.

- ингрессивы: *ḵöd-el-gu* «заболеть» СВ < *ḵödä-gu* «болеть» НС; *mūd-eli-gu* «залаять» СВ < *mudä-gu* «лаять» НС и т. п.;

Присоединение суффиксов мультисубъектной совершаемости (=субъектный дистрибутив) (южн. *-ḵil(i)-*, *-ḵal(i)-*; *-el(i)-/el(i)-*) и мультиобъектной совершаемости (=объектный дистрибутив) (южн. *-ḵil-*, *-ḵal-*, *-el-*, *-el-*) к глагольной основе не ведёт к изменению видового значения:

- субъектные дистрибутивы: *ḵū-ḵil(i)-gu* «поумирать многим» СВ < *ḵū-gu* «умереть» СВ; *tö-ḵal-gu* «прийти многим» СВ < *tö-gu* «прийти» СВ; *niŋg-eli-gu* «стоять многим» НС < *niŋgi-gu* «стоять» НС; *amd-el(i)-gu* «сидеть многим» НС < *amd-gu* «сидеть» НС и т. п.;

- объектные дистрибутивы: *kβat-ḵil-gu* «поубивать» СВ < *kβat-gu* «убить» СВ; *pē-ḵil-gu* «искать многих» СВ < *pē-gu* «искать» СВ; *kjir-äl-gu* «ободрать многих» СВ < *kjir(ä)-gu* «ободрать» СВ и т. п.

Таким образом, в рамках каждого вида в селькупском языке прослеживается оппозиция «глаголы нулевой совершаемости: глаголы ненулевой совершаемости». За рамками этих противопоставлений остаются производные мультиобъектные и мультисубъектные глаголы (=объектный дистрибутив, субъектный дистрибутив), суффиксы которых, модифицируя лексическое значение производящей основы, никак не взаимодействуют с видовой семантикой.

В группах совершаемостей конкретной видовой семантики выделяются:

1. Суффиксы, изменяющие одновременно с видовым значением и значение предельности/непредельности производящей основы. В данную группировку входят показатели узитативности (южн. $-(k)k\dot{i}/-(k)ku-$, $-k\dot{i}/-g\dot{i}-$, $-ku/-gu-$), фреквентативности (южн. $-o\dot{k}u-$ + $-m\dot{r}\dot{i}-$), мультипликативности/дуративности (южн. $-(m)p\dot{i}-$), преобразующие предельное действие основы совершенного вида в непредельное, и суффиксы семельфактивности (южн. $-k\dot{i}l-$, $-al-$, $-ol-$), ингрессивности (южн. $-el(\dot{i})-$, $-el(\dot{i})-$; $-aj-$, $-oj-$), перфективности (южн. $-l't'\dot{i}-$, $-l'c'\dot{i}-$, $-\bar{\varepsilon}-$), аттенуативности (южн. $(-\varepsilon)-$, $-\varepsilon pti-$), которые трансформируют непредельное действие основы несовершенного вида в предельное:

- $k\beta and\dot{i}-kku-gu$ «носить периодически» НС (непред.) < $k\beta and\dot{i}-gu$ «принести» НС (пред.); $\check{c}a\check{z}\dot{i}-(k)ku-gu$ «идти периодически» НС (непред.) < $\check{c}a\check{z}\dot{i}-gu$ «идти» НС (пред.); $mir\dot{i}\eta-gu-gu$ «продавать периодически» НС (непред.) < $mir\dot{i}\eta-gu$ «продавать» НС (пред.) и т. п.;

- $\check{s}\bar{e}r-o\dot{y}\dot{i}-mbu-gu$ «заходить, захаживать часто» НС (непред.) < $\check{s}\bar{e}r-gu$ «зайти» СВ (пред.); $k\beta\check{a}\check{z}\dot{i}-\dot{y}\dot{i}-mbu-gu$ «оставлять часто» НС (непред.) < $k\beta\check{a}\check{z}\dot{i}-gu$ «оставить» СВ (пред.); $koral\check{z}-o\dot{y}\dot{i}-mb\dot{i}-gu$ «разрешать часто» НС (непред.) < $koral\check{z}\dot{i}-gu$ «разрешить» СВ (пред.).

- $\ddot{u}ppal-b\dot{i}-gu$ «кочевать» НС (непред.) < $\ddot{u}ppal-gu$ «отправиться в путь» СВ (пред.); $man\dot{n}\dot{i}-mb\check{a}-gu$ (< $*man\check{z}\check{a}-mb\dot{i}-gu$) «смотреть, бросать взгляды» НС (непред.) < $man\check{z}\check{a}-gu$ «взглянуть» СВ (пред.); $poru-mb\dot{i}-gu$ «гореть» НС (непред.) < $porru-gu$ «вспыхнуть» СВ (пред.) и т. д.

- $k\dot{o}t-k\dot{i}l-ku$ «кашлянуть» СВ (пред.) < $k\dot{o}t-k\dot{u}$ «кашлять» НС (непред.); $k\beta ej-\dot{y}\dot{i}l-gu$ «вздыхнуть» СВ (пред.) < $k\beta ej-gu$ «дышать» НС (непред.); $\acute{n}ess-a-l-gu$ «скатиться» СВ (пред.) < $\acute{n}ess\dot{i}-gu$ «катиться» НС (непред.); $s\ddot{u}bd-ol-gu$ «свистнуть» СВ (пред.) < $s\ddot{u}bd\dot{i}-gu$ «свистеть» НС (непред.) и т. п.;

- *ḱöd-ɛl-gu* «заболеть» СВ (пред.) < *ḱödə-gu* «болеть» НС (непред.); *mūd-ɛlḱ-gu* «залаять» СВ (пред.) < *mūdə-gu* «лаять» НС (непред.); *m'arg-ɛl-gu* «начать дуть» СВ (пред.) < *m'argə-gu* «дуть» НС (непред.) и т. п.;

- *ippi-l'd'ē-gu* «полежать (немного)» СВ (пред.) < *ippi-gu* «лежать» НС (непред.); *itt-ēl'd'i-gu* «(уже) повесить (быстро)» СВ (пред.) < *itti-gu* «висеть» НС (непред.) и т. п.;

- *aβər-ē-gu* «поесть (немного)» СВ (пред.) < *aβərə-gu* «есть» НС (непред.); *kuk-ēpti-gu* «(слегка) кивнуть» СВ (пред.) < *kukḱ-gu* «кивать» НС (непред.); *amd-ē-gu* «посидеть (немного)» СВ (пред.) < *amdi-gu* «сидеть» НС (непред.) и т. д.

2. Суффиксы, не изменяющие одновременно с видовым значением значение предельности/непредельности глагольной основы. К таким суффиксам относятся показатели имперфективной совершаемости (южн. $-T[(\varepsilon)n]čḱ-$, где $T=\emptyset, n, č$): *am-čə-gu* «съесть» НС (пред.) < *am-gu* «съесть» СВ (пред.); *īn-čə-gu* «взимать» НС (пред.) < *ī-gu* «взять» СВ (пред.); *ḱβan-čə-gu* «уходить» НС (пред.) < *ḱβan-gu* «уйти» СВ (пред.) и т. п.

Границы между суффиксами совершаемостей имперфективной видовой семантики, преобразующими предельное действие глагольной основы в непредельное, и суффиксами совершаемостей той же видовой семантики, но не осуществляющими подобных преобразований, являются подвижными. Суффиксы имперфективной видовой семантики, преобразующие предельное действие основы в непредельное, могут и не осуществлять подобных преобразований. В качестве примера приведём суффикс $-(k)ku-$ узитативности, у которого развивается имперфективирующая функция: нар. *čənzḱ čapte tonna tar čāžḱ-ku-nda* «побасёнка, сказка ещё продолжается (букв.: идёт)» (*čāžḱ-(k)ku-gu* «идти периодически» < *čāžḱ-gu* «идти»); нар. *nagur nəd onžḱn βargḱ-kβ-ādīt* (<**βargḱ-ku-ādīt*) «три сестры сами (одни) живут» (*βargḱ-(k)ku-gu* «поживать» < *βargḱ-gu* «жить») и т. п.

Специфику селькупского языка составляет то, что присоединение к глагольной основе показателя перфективной (финитивной) совершаемости лишь указывает на законченность (финитивность) действия в относительно короткий период времени. Суффикс перфективной совершаемости в селькупском выступает функциональным аналогом русских наречий типа «недолго», «немного», «быстро» и т. д.: *ippi-l'd'ē-gu* «полежать (немного, недолго)» < *ippi-gu* «лежать»; *itt-ēl'd'i-gu* «(уже) повесить (немного)» < *itti-gu* «висеть»; *ḱū-l'd'i-gu* «(уже) умереть (мгновенно)» < *ḱū-gu* «умереть»; *ütt-ē l'd'i-gu* «выпить немного и бы-

стро» < *üt-ku* «выпить» и т. п. Соответственно при присоединении к непредельной основе несовершенного вида суффикса перфективной совершаемости происходит ограничение действия временными рамками, т. е. пределом, который по отношению к непредельному действию основы никак не может быть внутренним, а является внешним. Обычно же значение внешнего предела передаётся на уровне синтаксиса, происходит за рамками глагольной лексемы или глагольной словоформы (см. о русском языке выше).

Вышеизложенное обобщено в таблице (см. таблицу 2, Приложение 1).

4. Заключение

Категория предельности/непредельности опирается в селькупском языке на грамматические группировки непредельных и предельных глаголов. «Грамматичность» предельности в селькупском языке связана с тем, что предельные глагольные лексемы имеют формы двух видов, а непредельные – одного. Категория вида связана с предельностью/непредельностью следующим образом: несоотнесительный несовершенный вид характеризуется непредельностью (*ippi-gu*, *erpi-gu* «лежать»; *kik̄i-gu*, *kigi-gu* «хотеть, любить»; *am-gu-gu* «кушать периодически»; *ē-kku-gu* «бывать» и т. д.), видовые пары (*mē-gu* «сделать» - *mē-špə-gu* «делать»; *tō-gu* «приехать, прийти» - *tō-špə-gu* «приезжать»; *medə-gu* «подойти» - *med-ešpə-gu* «подходить» и т. д.) и совершенный вид (*ippi-l'd'ē-gu* «полежать (немного)» < *ippi-gu* «лежать»; *itt-ēl'd'i-gu* «(уже) повисеть (быстро)» < *itti-gu* «висеть»; *kū-l'd'i-gu* «(уже) умереть (мгновенно)» < *kū-gu* «умереть» и т. д.) выражают предельность.

По отношению к категории вида способы действия (совершаемости) подразделяются в южных диалектах селькупского языка на три группы:

а) совершаемости имперфективной видовой семантики; глагольные основы, содержащие в своей структуре суффиксы данных совершаемостей, всегда относятся к несовершенному виду (узитаривность (южн. *-(k)k̄i-l-(k)ku-*, *-k̄i-l-ḡi-*, *-ku-l-gu-*), фреквентативность (южн. *-ok̄u-* + *-tr̄i-*), имперфективность в узком смысле (южн. *-T[(ε)n]č̄i-*, где $T = \emptyset, n, č̄$));

б) совершаемости перфективной видовой семантики; глагольные основы, содержащие в своей структуре суффиксы данных совершаемостей, всегда относятся к совершенному виду (семельфактивность (южн. *-k̄il-*, *-al-*, *-ol-*), ингрессивность (южн. *-el(i)-*, *-el(i)-*; *-aj-*, *-oj-*), интен-

сивность (южн. $-(p)sinj-$), аттенуативность (южн. $(-\bar{\epsilon}-)$, $-\bar{\epsilon}ptj-$), перфективность (южн. $-l't'j-$, $-l'čj-$, $-\bar{\epsilon}-$);

в) совершаемости, индифферентные по отношению к виду; присоединение суффиксов данных совершаемостей к глагольной основе не ведёт к изменению видового значения (мультисубъектная совершаемость (=субъектный дистрибутив) (южн. $-kjl(j)-$, $-kal(j)-$; $-el(j)-$ / $-\epsilon l(j)-$) и мультиобъектная совершаемость (=объектный дистрибутив) (южн. $-kjl-$, $-kal-$, $-\epsilon l-$, $-el-$).

В группах совершаемостей конкретной видовой семантики выделяются:

а) суффиксы, изменяющие одновременно с видовым значением производящей основы также значение предельности/непредельности;

б) суффиксы, не изменяющие одновременно с видовым значением значение предельности/непредельности глагольной основы.

Среди суффиксов совершаемостей, изменяющих одновременно с видовым значением значение предельности/непредельности производящей основы, выделяются:

а) суффиксы способов действия имперфективной видовой семантики, всегда преобразующие предельное действие глагольной основы в непредельное (узитаривность (южн. $-(k)kj-$ / $-(k)ku-$, $-kj-l-gj-$, $-ku-l-gu-$), фреквентативность (южн. $-okj-$ + $-tpj-$), мультипликативность/дуративность) (южн. $-(m)pj-$);

б) суффиксы перфективной видовой семантики, всегда преобразующие непредельное действие глагольной основы в предельное (семельфактивность (южн. $-kjl-$, $-al-$, $-ol-$), ингрессивность (южн. $-\epsilon l(j)-$, $-el(j)-$, $-aj-$, $-oj-$), интенсивность (южн. $-(p)sinj-$), аттенуативность (южн. $(-\bar{\epsilon}-)$, $-\bar{\epsilon}ptj-$), перфективность (южн. $-l't'j-$, $-l'čj-$, $-\bar{\epsilon}-$);

К суффиксам совершаемостей, не изменяющих одновременно с видовым значением значение предельности/непредельности, относится суффикс собственно имперфективного способа действия (южн. $-T[(\epsilon)n]čj-$, где $T = \emptyset, n, č$). Он представляет собой потенциальный видовой показатель.

Границы между суффиксами совершаемостей имперфективной видовой семантики, преобразующими предельное действие глагольной основы в непредельное, и суффиксами совершаемостей той же видовой семантики, но не осуществляющими подобных преобразований, подвижные. Суффиксы совершаемостей имперфективной видовой семантики, преобразующие предельное действие в непредельное, могут утрачивать такую способность и трансформироваться в показатели импер-

фективации, становятся видовыми показателями $-(k)ki$ -узтитативности → имперфективности в южном диалектном ареале).

В селькупском языке итогом присоединения к глагольной основе показателя перфективной совершаемости является ограничение действия глагольной основы внешним по отношению к этому действию пределом - временными рамками. Данный селькупский акциональный аффикс функционирует аналогично русским наречиям типа «недолго», «немного», «быстро» и т. п. Это позволяет ставить вопрос о рассмотрении суффиксальных глаголов перфективного способа действия в качестве видовых коррелятов к соответствующим непроеизводным имперфективным основам одновременно с выявлением специфики селькупских предельных глаголов совершенного вида.